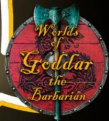

Выкуп

Виктор Колесников

Виктор Владимирович Колесников

Выкуп

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70235512

SelfPub; 2024

Аннотация

Убитый горем отец, потерявший ребенка, пытается его вернуть и решается сделать это любыми способами.

Виктор Колесников

Выкуп

Акт первый. Может ли грех быть праведным?

Заснеженная проселочная дорога давно закончилась, автомобиль пробивал снежную толщу, двигаясь по бескрайней целине. В такт натужно ревящему мотору выл злющий ледяной ветер. В тусклом свете фар УАЗа темными силуэтами появлялись одиноко стоящие деревья. Они, с размашистыми корявыми ветвями, зловеще нависали над проезжающим внедорожником.

Однообразный пейзаж русской глуши наконец-то сменился и впереди показались черные фигуры брошенных домов. Избы сосредоточились вокруг покошенной церквушки. Возвышаясь над домами, она казалась огромной. Из темноты, сквозь метель, стали заметны очертания деревянного креста, установленного на колокольне. Самих колоколов давно уже не было, как и другой металлической утвари, за которую можно было выручить хоть какие-то деньги.

Паша уже не раз бывал в этом месте. Старинное село с забытым названием и растворившейся в поле дорогой служило перевалочным пунктом для охотника-любителя. Много раз он приезжал в здешние места и оставался на ночлег.

Брошенное поселение ничем не отличалось от прочих, в которых ему довелось побывать. Охотник жег костёр, разделывал добытую дичь или просто опрокидывал одну-другую стопку чего-то крепкого, чтобы снять напряжение и быстрее уснуть. Но позже это поселение стало для него местом скорби.

Автомобиль остановился посреди поселка рядом с колодезем. Паша вышел из машины. Осмотрелся. Сквозь снегопад он заметил небольшую елку. Хвоя стояла у одной из десятка изб. Охотник подошел к машине и открыл загруженный всякими вещами багажник. У большого мешка лежало ружье, патронташ и топор. Когда Паша потянулся за топором, мешок вдруг дернулся. Из него послышался тихий вой, всхлипы и тонкий голосок. Сквозь истерику, ребенок умолял отпустить его.

– Мить, я же обещал, что пальцем тебя не трону! Хватит ныть... – безучастно ответил Паша на мольбы сидевшего в мешке, взял топор и, хлопнув дверью багажника, побрел к ели.

«Дать что ли ему еще хлороформа? А если дам, то может и не проснуться больше» – начал было он терзать себя мыслями. «С одной стороны, да, можно. И ему будет легче, и мне, с другой – я убью его, а я ведь не убийца, да и мертвый пацан их, наверное, не устроит». Паша расстегнул дубленку, размахнулся и принялся рубить елку. Пока дерево не упало в сугроб, мысли беспощадно штурмовали голову. Раздумья

в очередной раз вызвали сомнения, жалость, вину. Эти чувства только мешали действовать, останавливали его, и Паша попытался отогнать их воспоминаниями о Кате. «Раньше я был хорошим человеком. Это все они! Они сделали меня преступником... я все исправлю...», – думал Паша, волоча елку к избе, где несколько лет назад была похищена его дочь.

– Я все исправлю! Исправлю! Слышишь, Катя? – сквозь внезапно накотившие слезы бубнил мужчина, открывая дверь в дом. Заиндевелое нутро избы встретило его могильной тишиной, тьмой и проникающим под одежду холодом. С тех пор, как он со своей семьей остался здесь на ночлег, ничего не изменилось. Даже покрытые инеем дрова, заготовленные им же три года назад, лежали нетронутыми на прежнем месте. Охотник затащил елку в избу и, пройдя по скрипучему полу, принялся разжигать печь. В углу комнаты стояла высохшая, совсем лысая ель. Игрушки вместе с желтыми хвоинками валялись рядом. Оконные проемы все ещё были заколочены досками. В щелях между деревяшками можно было разглядеть снег, накрывавший двор. Паша вернулся к машине, чтобы забрать остальные вещи и мешок с ребенком, который он поволок по снегу до самого дома.

Изначально мужчина не хотел развязывать его и освобождать семилетнего мальчишку, которого ему удалось увести из-под носа родителей. Мальчика он украл тридцать первого декабря у школы. В этот день уроков не было, но в некоторых школах были организованы балы-маскарады, где ре-

бятam в конце праздничной программы вручали подарок и какую-то безделушку. Митя вышел из школы вовремя и подошел к дороге, но его семья задержалась на считанные минуты, а Паша проезжал мимо. Закрыв ребенка внедорожником от глаз свидетелей, он ловко затолкал мальчика на заднее сидение, спрятал в мешок и, завязав его, перебросил в багажник. Отъехав от школы, в первые минуты он оборачивался и посматривал в зеркало заднего вида, ожидая мерцание проблесковых маячков полицейских машин, тут же вызванных прохожими. Дав ориентировку на автомобиль, полиция могла достать его где-нибудь на выезде из города, но спустя несколько часов, съехав на проселочную дорогу, Паша расслабился и, отбросив дурные мысли, продолжил спасение своей дочери.

Здесь, среди сырых прогнивших изб, полей и лесной чащи украли его Катю. Пока не приехала полиция, жена молодого охотника уже успела обезуметь от горя и ужаса, а он – обыскать округу. Оперативники приехали с собакой, которая очень странно себя повела, отказавшись выходить из машины. Когда овчарку вытащили силой, она вырвалась и, поджав хвост, забилась под машину. Полицейские обыскали каждый дом, взяли показания у отца, но в похищение не поверили. Кроме следов охотника, других обнаружить не удалось. Вызвали спасателей. Начались поиски, которые не дали результатов. Полиция не стала открывать уголовное дело. Следственный отдел посчитал, что в пропаже виноваты ро-

дители, и девочка, скорее всего, сгинула в топях. Но Паша не мог забыть отчаянный Катин вопль, который разбудил его. Схватив фонарь, он выскочил в ночную темноту. «Катя!» – крикнул он что было сил. На его крик прибежала жена. «Катя!» – продолжали родители, а в ответ лишь завывание ветра...

От воспоминаний стало дурно. Павел попытался сдержать перехватывающий дыхание приступ, но от истерики его ноги подкосились. Он рухнул на колени, обнял себя и горько зарыдал, а в такт ему из мешка доносились стенания первоклассника.

– Не плачь, Митя, – сквозь слезы, запинаясь и нервно вздрагивая, говорил похититель, – я все продумал. Ты не пострадаешь, я обещаю, – ответом на это был полный отчаяния скулеж. Мужчина попытался успокоить мальчика, обещая вернуть родителям, но от разговоров о родных Митя завыл сильнее. Тогда Паша перестал обращать на ребенка внимание, закрыл дверь на засов, притащил вещи, а потом, развязав мешок, уселся на табурет и уставился на выбравшегося из мешковины мальчика.

– Привет! – невольно улыбнулся Паша. Мальчик испугано смотрел на мужчину и от испуга не мог промолвить ни слова.

Похититель бегло осмотрел мальчика. Расстегнутый пуховик, школьная форма, один ботинок. Между ног на брюках просматривалось большое мокрое пятно. Глаза опухли от неумного плача, прическа была взъерошена. Он стоял,

потупив взгляд, и всхлипывал. Его заметно трясло то ли от холода, то ли от страха.

– Еще до рассвета ты будешь дома. – Паша подсел к столу и начал разбирать вещи, среди которых Митя заметил елочные игрушки, всевозможные сладости, веревку, сложенную в бухту, ружье, патронташ и прочие вещи, лежавшие в сумках. – Мы здесь, чтобы вернуть мою дочь. Поверь, я все продумал. Для того чтобы они мне вернули ее – нужно поставить елку, нарядить ее, накрыть праздничный стол и... – мужчина запнулся, – Еще кое-что. Ты голоден? – Мальчик, поглядывая на конфеты и пирожные, утвердительно кивнул, – Тогда вот, возьми, – Паша залез в небольшой пакет и, пошарив в нем, достал ломоть хлеба и кусок варёной колбасы. Похититель протянул еду в дрожащие холодные руки мальчика, робко и опасливо тянущиеся к еде.

Пока Митя ел, Паша вспоминал разговор, произошедший недавно. Он так до конца и не понял – была ли беседа с ведьмой явью или причудилась ему, пока он был в очередном запое. Отчаявшийся отец был готов на все, лишь бы спасти свою дочь, а карга поклялась, что, выполнив условия похитителей, он может рассчитывать на воссоединение с дочерью. Требования таинственных похитителей были необычны, впрочем, как и сами похитители.

– Убитые нарожденными хотят получить маленького мальчика взамен твоей Кати... – вдруг послышался шепот в очереди к кассе. Павел осмотрелся. За ним никого не было, а

впереди, за скромный набор продуктов, рассчитывалась маленькая, опрятно одетая сгорбленная старушка. Ее седые волосы были убраны в длинную косу, покрашенные ярко-красной помадой губы расплылись в доброй широкой улыбке, оголив ровные искусственные зубы. – Я тебе помогу... – обратилась она к Паше, – догоняй.

Сложив продукты в вязанку, бабка направилась к выходу. Оставив водку, за которой Паша, шатаясь, едва добрался до магазина, поспешил за ней. От разговора с ведьмой опьянение, словно колдовские чары, исчезло. Карга говорила, а мужчина внимательно слушал. Ведьма рассказала, что заброшенная деревня была основана на старом капище, где приносили в жертву нерожденных. Со временем место обрело невероятную силу, и нерожденные начали похищать детей из ближайших сел. Но с приходом людей на забытом капище была воздвигнута церковь, а следом за ней появилось и поселение. Теперь нерожденные не могут надолго приходить в наш мир, они ослабели на поверхности и могут погибнуть так же легко, как и люди.

– Убитые нерожденными хотят, чтобы ты сжёг ее! Сожги церковь! Сожги, понял? А то, не видать тебе дочку! – уста доброжелательной старушенции вдруг переполнил гнев. Она кричала, брызжа слюной, – Для выкупа девочки нужен мальчик. Нужен ребенок, не достигший восьмилетнего возраста! Мальченку сунешь в мешок и положишь под елку, которую нарядишь как положено у славян. Стол тоже накрой, они лю-

бят сладкое. Таковы условия!

После этих слов Паша очнулся у себя дома. На столе валялись пустые водочные бутылки, остатки засохшей закуски, окурки. Этой ночью выпито было много, впрочем, как и всегда. После потери дочери отец пристрастился к спиртному, но в слова пришедшей к нему в видении старухи охотно поверил, потому что знал – Катины похитители были не из этого мира.

Пока Митя уплетал угощение, Паша накрывал на стол, одновременно разговаривая с ним.

– Мить, мы далеко уехали от дома и тебе некуда бежать. Здесь, в лесу, живут медведи и голодные волки, которые не прочь поохотиться на такого хорошего мальчика как ты. Понял? – ребенок кивнул и уставился на похитителя мокрыми глазами, его лицо было перекошено в скорбной гримасе. Чтобы не разгневать незнакомца, способного на самые страшные деяния, он пытался не показывать эмоций, сокрушительной волной обрушавшихся на него. Но мальчик был не в силах сдержать слезы, ведь долгое время утопал в отчаянии и горе. – Этим я хочу сказать, что тебе не стоит пытаться сбежать, когда я ненадолго отлучусь, – мужчина протер стол от грязи, накрыл его пестрой скатертью, расставил праздничную посуду и переложил в нее сладости. Также на стол он поставил бутылку водки и стопку, а когда завершил сервировку, предупредил пленника, чтобы тот ничего не брал со стола до полуночи. Когда елка была установлена, а игрушки

развешаны на ее ветвях, мужчина взял топор, канистру и направился к выходу.

– Смотри мне, Митяй! Я всё равно догоню. Попытаешься сбежать – мало не покажется! Понял? – прикрикнул он в конце, а когда мальчик горько завыл, похититель вышел из избы, хлопнув дверью.

Церковь стояла напротив неприметного деревянного колодца. За машиной его было даже не видно, но с высоты, где находился крест, можно было увидеть и сгнивший колодец, и каждую избу безымянного поселка. Дверь в церковь висела на нижней петле. В небольшое отверстие дверного проема, сквозь мрак брошенного помещения, Паша видел разруху. Трухлявые перекрытия обрушились в центр святого убранства. Темные очертания деталей интерьера было не разобрать сквозь снегопад и ночную мглу. «Так-то лучше. Не хватало мне там еще встретиться взглядом со святыми ликами», – подумал охотник и неуверенно проследовал к зданию. Похититель снял с себя свитер, бросил его на снег и, не скупясь, плеснул на него бензин. Потом обмотал свитером первую подходящую доску, которую нашел в здании, и, чтобы факел не успел прогореть, принялся быстрее поливать бензином пол, выцветший, заплесневелый иконостас, разрушенный временем алтарь и те стены, где когда-то на прихожан смотрели святые.

Когда дело было сделано, он швырнул факел в центр нефа и поспешил обратно в избу. На полпути, услышав громкий

треск, грешник обернулся. В глубокий снег со скрипом упал веками возвышавшийся над поселением крест. В окнах храма появилось оранжевое зарево: огонь постепенно набирал силу, пожирая святыню. Павел невольно застыл на месте. Под завывание ветра, будто шептавшего грешнику проклятия, мужчина уставился на содеянное. В каком-то колдовском, чрезвычайно сильном пламени, за мгновение объявшем здание, погибала святая обитель. Адское пламя озарило округу. Стало светло. Снег отражал огонь, в котором, как казалось преступнику, погибала надежда пережить эту ночь. Он ощутил смятение, ужас, уныние. Беспомощный и напуганный человек стоял на коленях и, рыдая, шепотом просил прощение у Христа до тех пор, пока огонь не ослабил древесину настолько, что церковь рухнула, став догорающим пепелищем.

Акт второй. Убитые нарожденными

К полуночи изба хорошо прогрелась и, несмотря на множество прорех в кровле и щелей в заколоченных окнах, внутри было комфортно без верхней одежды. Павел посадил Митю в мешок, предварительно привязав веревкой к себе. Тянущуюся из горловины мешка веревку скрывала поверх брошенная куртка мальчика. Чтобы получше скрыть веревку, пущенную по-над стенами избы, мужчина погасил свечи, оставив лишь слабое мерцание тлеющих углей в открытой

топочной дверце. Ребенок сидел в мешке тихо, как хотел похититель. Положив ружье на колени, охотник сидел, опершись о белый печной бок, не спуская глаз с мешка, служившего темницей для невинной души. Грешник прекрасно понимал, что жизнь мальчишки зависит только от него. Сомнения терзали похитителя с тех пор, как он увел Митю, ждавшего у школы своих родных. Родители задержались на какие-то жалкие минуты, ставшие для них роковыми. Преступник хорошо запомнил, как грубым и резким движением схватил ребенка, как закрыл лицо марлей, пропитанной хлороформом. С каждым воспоминанием и раздумьем, сомнения становились сильнее.

Он окончательно разочаровался в своем плане и возможностях, а после того как уничтожил оплот святой силы и единственное убежище на сотни километров, опустил руки, потеряв всякую надежду на спасение Катинной, Митинной и своей души. Конечно, деваться было уже некуда. Паша был готов схлестнуться со злом и стоять насмерть столько, сколько сможет. «Глупо! Как же глупо... Нужно уносить ноги. Немедленно!» – вдруг подумал он и ринулся к мальчику, но не успел вскочить с табурета, чтобы взять ребенка в охапку и броситься прочь из этого проклятого места, как на улице послышался шорох. Паша замер. Прислушался. Шорох постепенно становился навязчивее. Сначала звук шел со стороны двери, а потом и окон. Охотник перекинул патронташ через плечо, нащупал узел веревки, связывающей его с жертвой,

снял оружие с предохранителя. Тем временем шорохи сменил скрежет – царапали дверь. К шуму, окружавшему дом, добавилось кошачье мяуканье. На протяжное «м-я-я-у» Павел с облегчением хмыкнул, улыбнулся и хотел было направиться к Мите, как вдруг по крыше застучали десятки ног. Топот напоминал детский. Неизвестные, будто бы обутые в туфли на каблуках, двигались со всех сторон к печной трубе. К слову, кошачье мяуканье никуда не делось, напротив, оно стало доноситься со всех сторон, но, как и топот, в один миг исчезло, словно было иллюзией.

В полумраке помещения царил тревожная тишина. В углах избы Паше мерещились страшные образы, он принялся вертеться и целиться в темные пятна, которыми были разукрашены закоулки жилища. Пока грешник, поддавшись панике, пытался найти врага, из топочной дверцы небольшим облаком вырвалась зола. Сажа была невидима в темноте, и охотник только почувствовал, как печной запах стал резче. Павел решил занять место у елки, чтобы в случае появления воров стрелять в упор, но когда повернулся к елке – увидел группу темных низких силуэтов. Сгорбленные, похожие на детей, в лохматых маскарадных костюмах усталились на мешок с ребенком горящими, как раздуваемые ветром угли, крошечными глазенками. Существа едва слышно переговаривались, спорили о чем-то, не замечая мужчину. Один из чертей держал точно такой же мешок, который приготовил для них Паша.

– Берите мешок и проваливайте! – мужчина попытался говорить уверенным тоном, но его голос дрогнул. Черти синхронно подняли головы и устремили на него свои пылающие глаза. Один из чудовищ поднял мешок за веревку, привязанную к мальчишке, и зловеще улыбнулся, оголив узкие длинные зубы.

– Это чтобы пацан не ушел до сделки, – попытался объяснить человек, но, видимо, черти знали помыслы смертного. Не раздумывая, существа схватили мешок с мальчиком и попятились в темный угол. Павел ощутил, как веревка, завязанная на поясе, начала тянуть в сторону. Второй мешок, в котором должна находиться его дочь, по-прежнему был в лапах одного из них. Черти рассредоточились по комнате и, на полусогнутых, принялись вертеться вокруг мужчины, не сводившего глаз с чудовищ, державших мешок.

– Я все сделал как вы просили! Все выполнил! – заорал он, оглядываясь на окружавших его, обросших шерстью, монстров. Некоторые заскочили на стол и принялись хватать приготовленную для них еду, другие – бросились к двери, а следом за ними торопливо двигались черти с мешками, в которых беспомощно вопили дети. Долгих три года Павел не слышал голоса своей Кати, а сейчас он доносился из мешка в считанных метрах. Его дочь звала на помощь. «Пора!» – промелькнуло в голове и отец, вскинув ружье, открыл беглый огонь по черному силуэту. Чтобы ни в коем случае не задеть картечью ребенка – охотник целился в ноги монстра.

Раздался грохот, мелькнула вспышка, и жертва скрылась за повисшими перед глазами белыми пятнами. Охотник, привыкший к темноте, был ослеплен. Он слышал топот чертей, лязг засова входной двери и ощущал, как в помещение хлынул ледяной воздух. Постепенно глаза начали различать детали интерьера и метавшихся по всюду существ. В двустволке был еще один патрон, который Павел мог использовать. Он вскинул ружье, чтобы выстрелить в очередную фигуру, появившуюся впереди, но вдруг осекся.

– Не-е-е-т... – простонав, он бросил оружие, где стоял, и, опустившись на четвереньки, пополз к оставленному ворами окровавленному мешку, – Катя!? Катенька!! – развязывая веревку, произносил он имя дочери.

С трудом справившись с узлом, раздираемый чудовищным трепетом, отец распахнул мешок в надежде, что девочка жива и раны не приведут к непоправимому, но, когда он склонился над мешком – из него выскочил один из чертей, вцепившись в лицо. Павел отшатнулся и упал, а напавший, злобно смеясь, кувыркнулся и исчез в темном углу. От злости мужчина стиснул зубы. Стерев кровь с лица небрежным движением, он, пошатываясь, побрел к оружию, проклиная дьявольское отродье, но ружье уже попало в руки врага. Пока охотник подходил к чертям, они с любопытством изучали ружье, и когда Паша был готов схватить его, прозвучал выстрел. Оружие подпрыгнуло в руках чертей, ударив их обоих. Картечь прошла по касательной, и Паша, не ощутив ранения,

бросился к своему оружию. Он не сразу заметил проступившую через футболку кровь. Ему не было дела ни до ранения, ни до похищенного мальчика, пока Катя была рядом и ее можно было спасти. Перезаряжая оружие, отец заметил чертей, тянущих за собой детей в мешках. Существа тащили их по снегу к тому самому колодцу на фоне мощного, яркого столпа света, исходявшего из него. Оставшиеся в избе монстры тоже заметили собратьев. Спрыгнув со стола, они бросились на мужчину. Вцепившись в руки и ноги, запрыгнув на спину, вонзали зубы в его плоть. Истошно заорав, мужчина в панике попытался сбросить их. Но избавиться от чудовищ было непросто, тогда охотник выстрелил в одного из них, и бездыханное тело упало в стороне от потасовки. Второго он сбросил, ударив локтем, а третьего придавил к стене. Создания разлетались в стороны и снова нападали, получая картечью в упор. Так продолжалось до тех пор, пока патроны не закончились. Отец девочки сбросил пустой патронташ, нанес сокрушительный удар ружьем, как бейсбольной битой, отбивая последнюю атаку, и оглянулся на колодец. Черты, тащившие детей, уже скрылись в нем, но свет, исходявший из недр, все еще бил в небо, призывая оставшуюся на поверхности нечисть. Только что застреленные охотником черты вскочили и, игнорируя человека, бросились на свет колодца. Тогда Павел схватил последнего монстра за глотку и, крепко прижав к себе, бросился на свет. Сломая голову, он бежал по следам, исчезающим прямо на глазах. Те-

перь Павлу было понятно, почему спасатели и следователи не обнаружили ни единого следа. Чем ближе к колодцу он подбегал – тем сильнее ощущал жар, исходящий из недр, а у самого колодца было невозможно находиться долго, но поворачивать обратно отец не собирался. В том жгучем адском свечении находилась его дочь и мальчик, за которого он был в ответе и перед Богом, и перед родными. Сжав изо всех сил приходящего в сознание монстра, он прыгнул в ослепляющий ярко-желтый свет...

Первые минуты по ту сторону нашего мира Павел пребывал в замешательстве. Прыгнув в колодец, он испытал нестерпимую боль, будто прыгнул в доменную печь. Но, очутившись в мире, откуда пришли черти, ощутил холод. Возможно, низкая температура и помогла очнуться. Мужчина пришел в себя на снегу. Чуть поодаль теснились толпы наряженных в маскарадные костюмы детей. Сомнений не было, Павел находился в окружении детей, а не похитителей дочери. Тысячи мальчиков и девочек окружали обугленную ель невиданных размеров. Она возвышалась над детьми, раскинув свои черные ветви, иголки которых украшали жуткие игрушки, издавна походившие на человеческие тела.

Большинство детей у ёлки смиренно стояли и не двигались, лишь некоторые горько рыдали или, осознав безысходность, покорно опустили головы и тихонько всхлипывали. Только единицы нарушали спокойствие и даже безразличие, царившее в толпе. Паникуя, они металась в толпе, словно

безумцы, дёргали остолбеневших за одежду, орали, бились в истерике, звали родных и умоляли отпустить домой. Если бы не вопли паникеров, Паша смог бы расслышать шепот молящихся. Также мужчина слышал навязчивый и грубый скрип древесины. Подобный скрип создавал порывистый ветер, гнувший деревья в лесной чаще. Древесный скрип подобно дыханию медленно нарастал и так же плавно затихал.

При виде Паши – единственного взрослого на этой бескрайней площади, – дети хватали его, впивались холодными ручками, просили спасти. Вскоре их стало так много, что охотнику тяжело было пробираться к центру действия, где заняла место сгоревшая дотла ель. Подойдя ближе, взору гостя открылись новые детали наряда «праздничной красавицы».

Дерево было несуразным, изогнутым и с боку напоминало вопросительный знак. Длинные и тонкие надломленные ветки касались земли, а на самом верху, среди редких обугленных ветвей и подобных саблям иголок, такие же черные, заняли место Катины похитители. Черти как приматы перепрыгивали с ветки на ветку гигантского дерева, говорили о чем-то и бесновато хохотали. Один из них подобрался к ближайшей кукле-игрушке, безжизненно повисшей на игле, отчего кукла едва заметно дернулась. Непроизвольное движение не ускользнуло от наблюдателя. Игрушка ожила и медленно подняла голову, взглянув на чудовище. За куклу Паша принял человека. Пробитая насквозь и еще живая, в качестве украшения висела девочка. Мужчина хотел было за-

орать, чтобы отвлечь чудовище, но черт стремительно набросился на ребенка и вонзил в его шею зубы, отчего жертва вздрогнула, а потом обмякла и больше не шевелилась.

От увиденного паникующие бросились прочь. Они изо всех сил ринулись в кромешную тьму, не оглядываясь. Один из чертей, заметивший беглецов, вытянул руку и указал на них длинным костлявым пальцем. Округу пронзил древесный скрип, и дерево пришло в движение. Исполинская ель медленно выпрямилась и, скрипя ветвями, развернулась в сторону беглецов. Стоявшие в толпе дети завизжали. Пригибаясь и закрывая лица руками, они трепетали перед чудовищем. Ель простерла свои кривые лапы в сторону беглецов, и когда ветви оказались над ними – с силой обрушила их на детей.

– Бежать нельзя... нужно сидеть тихо... сейчас... сейчас они начнут выбирать... – из толпы доносились голоса, полные тревоги, пока дерево чертило красную линию на снегу телами беглецов, подтягивая их к себе. Опешив, мужчина наблюдал за происходящим и не знал, что делать дальше, ведь в этой толпе должна была находиться его дочь и мальчик, которому он обещал сохранить жизнь. Павел начал выискивать Катю среди детей. Поиски были тщетны – слишком много детей собралось на этом празднике смерти.

Он не решался призвать дочь криком. Отец не боялся привлечь внимание гигантского чудовища, способного одним махом прикончить его. Он трепетал от одной лишь мысли,

что Катя не ответит на зов, потому что её больше нет. Перебарывая страх, он попытался найти ребенка среди останков, висевших на ёлке. Не все трупы можно было рассмотреть, как следует. Из сотен тел были и такие, которые невозможно было опознать.

Пока мужчина искал свою дочь, черти сгруппировались, и один из них, видимо главный, забрался на вершину дерева и принялся всматриваться в толпу ребятни. Он коснулся рукой лба, будто закрывал глаза от света и высматривал кого-то. Так он смотрел, пока не нашел кого искал. В это время смятение в рядах собравшихся у елки возрастало. Когда он медленно вытянул руку и указал в толпу, паника достигла своего апогея. Дети, находившиеся в поле зрения монстра, вопя, бросились в рассыпную, оголив круг притоптанного снега, в центре которого, сгорбившись, стоял одинокий, оставленный такими же, как и он сам, мальчик. Ему было не больше пяти. Он, крепко прижав к себе плюшевого зайца, в одной пижаме, босиком стоял на снегу и тихонько плакал. Несмотря на холод, причиной озноба был страх. Не взывая о помощи, он шептал что-то мягкой игрушке и, разуверившийся в чуде, смиренно ждал своей участи.

В этом странном омерзительном месте не было тех, кто мог бы ему помочь. Но хуже всего то, что здесь не было того, кто хотел помочь ребенку. Каждый доживающий свою короткую жизнь думал лишь о себе. Паша поймал себя на мысли, что не станет рисковать жизнью ради этого малыша, ведь

сам подвергнет себя смертельной опасности, а впереди ещё спасение тех, кому он непременно должен помочь. «Но что если я опоздал, и их уже нет?» – в очередной раз мелькнула уничтожительная мысль, перехватившая дыхание, а тем временем ель с протяжным скрипом начала тянуть свою ветвь к мальчику. Ребенок, зажмурив глаза, напрягся, будто это могло ему помочь и, не пытаясь сбежать, ждал, пока его больно не схватит кривая пятипалая ветвь. Когда монстр сжал ребенка и поднял над всеми, плюшевый заяц упал на снег. Выронил ли мальчик игрушку случайно или намеренно отпустил единственного друга, чтобы спасти свою игрушку – частичку, напоминавшую о доме и близких? Черт, отдававший елке приказ, изящным движением дирижера указал на одну из тысяч игл, и дерево резко согнуло ветвь, пронеся мальчишку над толпой, и насадило его на саблевидную иглу.

Всюду слышались тревожные возгласы, плач и мольбы о помощи, только мертвые глаза мальчика безразлично смотрели на других, пока ещё живых, детей с высоты беспощадной елки. Как только игла пронзила его трепещущее сердце, черти заликовали, а их главный, уставившись на мужчину, сардонически усмехнулся. Мужчине показалось, что это шоу было организовано специально для него.

Паша нашел плюшевого зайца. Заботливо поднял его и осмотрел. У игрушки отсутствовал один глаз, на клетчатом комбинезоне синим маркером было написано имя «Степа». Плюшевый заяц напомнил Павлу свою любимую игрушку –

медвежонка Мишу. Как-то, Муська – кошка, жившая в те далёкие времена в семье охотника, – разыгравшись, напала на игрушку и вырвала глаз медвежонку. Кошка тогда получила по заслугам: Павел отогнал ее, отбил своего друга у хищницы. Плюшевый медведь был не просто игрушкой. Он охранял мальчика от чудовищ, приходивших за ним в темные часы, когда мама уходила доделывать свои домашние дела и, погасив свет в детской, оставляла Пашу с медвежонком в комнате. «Миша, охраняй Пашу до утра! Пока я не позову его завтракать!» – серьёзным тоном обращалась она к плюшевой игрушке и уходила, оставив сына в кромешной тьме. Паша верил, что игрушка – надёжный защитник и ни одно чудовище не сможет затащить его в свое мрачное логово – темноту подкроватной бездны, – пока Миша лежит рядом на подушке и охраняет.

Паша посмотрел на зайца, который, как ему показалось, тоже смотрит на него маленьким пластмассовым глазом. Этот вопрошающий взгляд, казалось, был полон скорби, будто плюшевый заяц пытался проронить слезу по убитому хозяину, но был не способен стенать. «Чего же ты не спас мальчика, Стёпа? Неужели потому что он не попросил?» – мысленно обратился к зайцу Паша.

– Так давай я попрошу? Помоги... Защити остальных детей! Прошу... – отчаявшийся взрослый просил помощи у одноглазого плюшевого зайца, в то время как темные фигуры на ели вновь начали движение. Их главный снова забрался

на верхушку дерева и принялся высматривать новую жертву.

Дети, заметив черта на еловой макушке, засуетились, завизжали, забегали. Но суматоха не помешала сделать выбор, и монстр указал пальцем в толпу. Паша посмотрел в центр белого круга, сделанного испуганной толпой. В центре снежного пяточка замер Митя. Он, неподвижный, оцепеневший от страха, стоял, уставившись мокрыми большими глазами на тянущуюся к нему гигантскую лапу. В одном ботинке, в спущенном до середины стопы мокрым носке, в школьной испачканной форме, рубашка которой торчала из-под жилетки, он обречённо ждал, когда чудовище расправится с ним. Отбросив в сторону игрушку, Паша бросился к ребенку. Успев добежать до мальчишки, единственное, на что взрослый решился, так это встать между ребенком и стремительно опускавшейся лапой чудовищного дерева. Мужчина инстинктивно вскинул руки, закрывшись от атаки, и зажмурил глаза перед смертью. Мгновение! Но атакующий не настиг людей. Толпа восторженно ахнула, и Паша в недоумении открыл глаза. Черное безоблачное небо закрыла белая шерсть. Невероятно большая рука зайца Степы держала искривленную, иссохшую лапу дерева. На миг повисла пауза. Ель, не ожидая сопротивления, растеряно замерла, черти, раскрыв клыкастые рты, испугано смотрели на исполинского зайца, размеры которого не уступали их елке. Замешательство прошло, и ель начала атаковать плюшевую игрушку, судорожно нанося удары свободной лапой. Дети разбе-

жались в стороны. Началась жестокая схватка. Плюшевый заяц больше не выглядел невинной детской игрушкой, и дело было даже не в его размере. Он приобрел некие демонические черты. Ткань превратилась в шерсть, взгляд наполнился яростью, и теперь он выглядел так, как и всё вокруг – свирепо и безжалостно. Защитник прыгнул на елку, повалив ее. Черты посыпались вниз вместе с телами растерзанных детей. Нерожденные ловко шмыгнули во тьму, пока заяц с хрустом отрывал многочисленные ветви дерева-убийцы. Когда дети разбежались, на снегу остались лежать другие брошенные игрушки. Не мешкая, Паша подбежал к одной из них, схватил ее, не глядя, и, крепко сжав Митину руку, бросился прочь от ристалища.

– Я же говорил, что приду за тобой! Я же говорил!? – не веря в происходящее как-то радостно кричал он ребенку, – Нужно только найти выход – и мы спасены, малыш! – Мужчина бежал, периодически оглядываясь на место, где заяц потрошил елку. Паша пробежал еще несколько метров, а потом перешел на шаг и остановился. Впереди показались силуэты, похожие на детские, однако охотник как-то научился различать похитителей от детей. Семь чертей перегородили путь.

– Мало вам? Еще хотите? – Он поднял вверх припасенную игрушку. Мельком взглянул на нее и опустил вязанную зеленой нитью черепашку с пуговками вместо глаз, – Вам не поздоровится, обещаю! – пригрозил он нерожденным.

– Ребенок может выйти из этого мира только в мешке, взрослый... – мерзким хриплым голосом произнес главный, – Если хочешь выйти – мы не будем держать тебя, выход там, – черт махнул рукой, и в крошечной тьме появился столп оранжевого света, уходящий куда-то ввысь.

– Я пришел забрать дочь и без нее не уйду...

– Ну, конечно... Раз уж пришел... что же... – главный подождал жестом двух подчиненных. Они волокли мешок.

– Я вам уже не верю, – сказал Павел, глядя на мешок, в котором могла находиться его Катя. Тогда черти развязали мешок и показали мужчине дочь. Изможденная, бледная, она неподвижно лежала в мешке на снегу.

– Вот! – главный сделал шаг назад, – Бери ее и убирайся.

– Я заберу и его, – мужчина поднял руку, в которой сжимал Митину ладонь.

– О таком не может быть и речи, условия выкупа ты знаешь.

– К черту условия! – охотник вытянул черепашку вперед и начал проговаривать нехитрое заклинание, чтобы оживить охранника, но в руках нерожденных появился еще один мешок. Монстры перевернули его и высыпали гору игрушек на снег.

– Эти игрушки охраняют детей! У вас ничего не выйдет! – мужчина пытался говорить уверенно, но, поработанный страхом, едва держался на ногах.

– Так мы тоже дети, – зловеще улыбаясь, прорычал глав-

ный и, протянув руку к куче игрушек, что-то прошептал.

Снег под ногами задрожал, раздался хруст и от собранных в кучу игрушек начали разрастаться трещины. Плюшевая масса стремительно увеличивалась, превращаясь в нечто единое, многоногое. За спиной Павел услышал тяжелые шаги. Расправившись с елкой, к злодеям спешил Степа. Глядя на вырастающее на глазах неопишное жуткое существо из когтей, клыков и гнева, мужчина прошептал черепашке заклинание и метнул ее в группу черных фигур. Черти бросились врассыпную, а Паша, воспользовавшись моментом, взял мешок с дочкой, в другой мешок затолкал Митю и поволок их к свету. Невообразимое создание, прозванное Пашей «Легионом», бросилось на черепаху и терзало ее, а заяц с другой стороны пытался оттащить монстра за крокодилий хвост. Черти появились из темноты и, проворно двигаясь, нагоняли беглеца.

– Отдай мальчика! – гневно вопил главный, – Мы все равно достанем его и заберем! Такова цена выкупа!

Но мужчина игнорировал его слова. Он практически был у цели, чувствовал, как свет обжигает кожу, как клубы дыма поднимаются от мешков, он приближался к призрачному миру, из которого пришел. Ныряя в оранжевый столп, он видел, как Легион разрывает Степу надвое. Видел тысячи брошенных детей, которым не спастись, чертей, прыгающих вслед...

Акт третий. Исход

– Пожалуйста, просыпайся! Прошу тебя! – пробуждаясь, Паша слышал мольбы Мити, который склонился над ним. Паша бегло осмотрелся. Сомнений не было – они находились посреди брошенного безымянного поселка в глуши. Вдалеке, на заваленном борте колодца, стоял главный и жестом призывал собратьев к себе. Черти один за другим вылезали из-под земли, откуда бил яркий свет. Рядом на снегу в мешке лежала Катя. – Нужно бежать! – сквозь слезы говорил мальчик. Мужчина посмотрел на свою машину, которая стояла у колодца, понимая, что спастись на ней не удастся, да и где были ключи от УАЗа – он тоже не знал.

– Давай в дом! Живо! – скомандовал мужчина и, освободив обмякшее тело девочки из мешка, поспешил за мальчиком. В помещении было темно, но тепло, будто события, длившиеся часы, а возможно и дни, пролетели за мгновение. Паша закрыл дверь и занял место у печи. Митя нашел свой рюкзак и, пошарив в нем, вытащил фигурку человека-паука и протянул ее взрослому.

– А почему нет, давай попробуем... – отец бережно положил дочь у печки и накрыл ее Митиной курткой, а сам, отступив на пару шагов, поднес фигурку к губам и начал шептать. После нескольких тщетных попыток выжившие оставили эту затею. Либо в нашем мире волшебство не действо-

вало, либо человек-паук не был готов сразиться с таким могущественным злом. Какое-то время царила тишина, только вдалеке у колодца были слышны многочисленные возгласы убитых не рожденными. Охотник посмотрел в щель между досок, которыми были заколочены окна. Темные приземистые фигуры окружали избу. Главный так и стоял, призывая в наш мир кого-то еще.

– Мить, хочешь есть? Бери все, что понравится, – Паша показал на стол, ломившийся от сладостей, но ребенок испугано смотрел на Катю. Мужчине показалось, что сейчас Митя был напуган сильнее, чем в тот момент, когда ель тянула к нему свои корявые лапы. Ребенок боялся. Боялся не увиденного, а реакции взрослого, безумия, с которым уже успел повстречаться.

– Что? Что ты увидел!?! – испугано, нервно воскликнул похититель и, не дождавшись ответа, подбежал к девочке. Паша и сам не мог понять, как он не заметил длинного сквозного разреза, тянувшегося от ключицы до живота. Края раны уже потемнели, а кровь запеклась. Из узкой раны были видны разрубленные ребра. Катя была мертва. Отец застыл рядом с синюшным телом и отупевшим взглядом рассматривал ее. Как только отец понял, что дочь мертва, на улице послышался хохот. Тысячи нерожденных глумились, пока Павел рыдал над телом дочери. Безумный смех прервал грохот и дрожь. Округа сотряслась, будто где-то поблизости разорвался снаряд. Потом земля сотрясалась снова и снова,

и тогда Митя, пересилив страх, подбежал к окну, чтобы посмотреть на источник шума. Из светового столпа появился тот самый монстр, собранный из кучи детских игрушек. Опешивший мальчик смотрел на гигантское создание, направляющееся к избе, в которой прятались выжившие. Его исполинские конечности пробивали замерзшую почву, стрясая округу. Мальчик не знал, как нужно поступить. Он понимал, что если побежит – чудовища быстро настигнут его, и тогда он никогда не увидит этот мир, где находился его дом и родные люди. Ребенок очень хотел вернуться домой, увидеть родителей. Эти мысли вселили в него уверенность, и мальчик бросился прочь так быстро, насколько мог. Под сотрясение и грохот шагов чудовища он метнулся к двери, открыл засов и уже был готов выскочить на улицу, как его схватил Паша.

– Стой! Совсем, что ли!?! – он схватил его за шиворот и потащил к дальнему окну, выходившему на остов церкви. В другой руке человек держал топор. Швырнув ребенка к стене, Паша принялся ломать доски, закрывавшие окно. Несколько отчаянных ударов – и отверстие, через которое они могли выбраться, было готово. Мужчина забросил в прореху мальчика и сам выпрыгнул в окно. Едва они выбрались, как под сокрушительным ударом лапы гиганта изба с треском разломалась.

– Бежим! – крикнул взрослый, подталкивая ребенка по направлению к сгоревшей церкви. Путь преградили десятки чертей, от которых пришлось отмахиваться топором, – Уби-

райтесь прочь! – кричал Паша, но монстры игнорировали его и атаковали. Они били и кусали, рвали и терзали мужчину, закрывавшего собой от безжалостных тварей ребенка. Паша не знал, способна ли сватыня, уничтоженная им, защитить невинного ребенка от падших душ, не виновных в предательстве матерей и отцов, преданных самыми родными. Но если не Бог, то кто еще мог спасти мальчика? Паша был готов всецело отдаться в руки Господни. Окровавленный, изувеченный, закрыв собой мальчика, он ввалился в разрушенную пламенем церковь. Чудовища остановились в нескольких метрах от ее стен и, беснуясь, забегали вокруг, рыча и фыркая.

– Здесь безопасно! Сиди до рассвета, а потом иди в том направлении, чтобы Солнце всегда светило в спину. Понял? – слабым голосом промолвил взрослый.

– А если Солнце будет за облаками? Ты хочешь оставить меня?

– Просто я не смогу идти. А ты дойдешь сам. К темноте ты выйдешь к дороге. Уверен, первая проезжающая машина остановится и тебе помогут. Только иди строго на запад. – Паша не успел договорить, как мальчик жалобно завыл.

– Я не сдвинусь с места. Мне страшно. У тебя же есть машина, ты сможешь меня отвезти к маме.

– Хорошо. Давай дождемся утра, и если я смогу, то обязательно доведу тебя до города, а пока сиди здесь и не покидай пепелища, понял?

Мальчик кивнул, Павел, шатаясь, побрел к ближайшему сугробу, куда упал церковный крест. Он с треском выдрал его из покрывшегося ледяной коркой снега и поднял орудие над собой. Монстры дрогнули. Начали прятаться в темноте, за избами, многие бросились обратно в колодец, а Легион, увидев крест, попятился, давя чертей, пока не скрылся в свете. К рассвету, когда все монстры были изгнаны из нашего мира, Паша воткнул крест в снег прямо напротив колодца, похоронил на пепелище церкви Катю, завел машину, и они покатили прочь. Силы понемногу покидали его, мужчина боялся, что не сможет поквитаться ни с ведьмой, ни с чертями, похитившими, а потом и убившими его дочь. На въезде в город он свернул на обочину и остановился у поста ГИБДД. Паша взглянул на мальчика, беззаботно спящего на заднем сидении. Вышел из машины и, хромя, направился к полицейским.

– Здравствуйте, – обратился он к полицейскому, который пытался поймать крупную рыбу на проезжей части.

Когда лейтенант заметил машину, которая была в розыске, и израненного мужчину, ковыляющего к нему, неуклюже вытащил табельный пистолет и крикнул.

– Стой! Руки! Руки! – завопил он, – У меня тут похититель! – обратился офицер по рации, – Давай мордой в пол! – продолжал орать полицейский, отчего Митя проснулся и убежал из машины.

– Эй мальчик, давай сюда! Быстрее! – командовал поли-

дейский, к которому сбежались все сотрудники, работающие на этом посту.

Вскоре Паша сидел в наручниках в небольшой комнате, в которой вместо одной стены было стеклянное окно. Мальчика он больше не видел, зато слышал разговоры полицейских о том, что к ребенку уже едет бабушка и после медицинского осмотра и небольшой беседы, его отпустят домой.

– Я же тебе обещал... – довольно прошептал мужчина.

Павлу тоже оказали первую помощь, и теперь, когда кровотечение было остановлено и жизни ничего не угрожало, его ждал суд, а потом колония. Но он был счастлив, ведь обрел истинную веру и спас хотя бы одну невинную душу. Он знал, что Бог есть и теперь был вооружен.

– Быстро вы приехали! Пойдемте, он еще не знает, что вы здесь, – донеслись радостные возгласы полицейского. – Спит, – дверь в помещение открылась и в большом окне, разделяющем кабинет и коридор, показалась ведьма, повстречавшаяся накануне. Та самая карга, подтолкнувшая его на преступление. Он невольно вспомнил слова главного монстра: «Мы все равно достанем его и заберем! Такова цена выкупа». Мужчина догадался, что они пришли забрать Митю, и мальчику никто не сможет помочь. Полицейские, похоже, были под гипнозом. Они как зомби шли за старухой.

– Эй! – растерянно крикнул Паша, но они, не слыша его, будто марионетки прошли по коридору на лестницу, ведущую наверх. Тогда преступник схватил стул и с размаху

врезал им по стеклу. Звук битого стекла был слышен даже на улице. Мужчина понимал, что полицейские уже ждут его появления в офисе. Паша вооружился похожим на кинжал осколком стекла и бросился наверх. Сопротивляться вооруженным полицейским было бесполезно, а спасти ребенка можно было, только развеяв чары. Открыв дверь с ноги, мужчина увидел ведьму, за которой стояли два полицейских. Один держал погруженного в магический сон мальчишку, другой – целился в задержанного. На принятие решения времени не осталось, и он, сделав рывок и занеся руку с осколком, налетел на старуху, вонзив стекло в ее шею. Прозвучали два выстрела, Паша повалился на ведьму сверху. Нестерпимая боль от ранений, мысли и окружение растворились во мраке, уступая вечному забвению.